

Международная Сахаровская конференция – Выступления в обеденный перерыв

Елена Боннэр, Татьяна Янкелевич, Эдвард Клайн

Елена Боннэр (в Великую отечественную войну служила медсестрой на фронте; после окончания Первого Ленинградского медицинского института работала педиатром, участковым врачом, а также внештатным автором периодических изданий и редактором-составителем книги; 7 января 1972 г. вышла замуж за Сахарова и делила с ним его судьбу до его смерти в декабре 1989 г.; в 1993 г. ей была присуждена почетная степень доктора права Йельского университета как «защитнице прав человека, демократу, патриоту, выдающемуся деятелю искусства нравственной политики, непреклонному врагу угнетателей и заступнице угнетенных». Две из написанных ею книг опубликованы по-английски: *Alone Together (Alfred Knopf, 1986)* и *Mothers and Daughters (Alfred Knopf, 1992)*).

Спасибо Дэвис-Центру за организацию конференции «40 лет «Размышлениям...», спасибо Фонду Сахарова за финансовую поддержку, спасибо Академии за ее гостеприимство. И хочу напомнить про еще один юбилей – 20 лет назад в ноябре 1988 г. впервые выпущенный за пределы СССР Сахаров выступал в этом зале.

Выступление на обеде или ланче должно отвечать двум неотменяемым правилам:

1. Быть кратким – слушатели голодны, а если уже накормлены – тоже кратким, после еды кровь от головы стремится к желудку и слушатель легко засыпает;
2. Помнить – все умное и относящееся к теме скажут на рабочих заседаниях, а здесь оратор в свободном полете.

Мой полет начну с воспоминания. Однажды в начале нашего знакомства Сахаров спросил, как я отношусь к его «трактату» - так он называл «Размышления...». А я никак не относилась, прочла, как все в нашем кругу. Скучное было чтение. Вроде все правильно: термоядерная война – плохо, сосуществование (это ж надо, такое слово несгибаемое) – хорошо, с голодом надо бороться, энергетика – важно, ограничивать рождаемость – тоже, наверно, хорошо, экология ужасна. Конвергенция – непонятно. Кажется, хорошо. И только внутренне чуток задержалась мыслью там, где про свободу. Единственное, что пришлось по душе – это эпитафия:

Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой.

Подумала: академик, а как Зоя Косьмодемьянская (у нее в дневнике этот же эпитафия) – наверно, человек хороший. Вот об эпитафии я ему и сказала!

Первый серьезный разговор о «Размышлениях...» произошел только через несколько лет, когда Сахаров писал книгу «О стране и мире». Но и тогда я не могла толком сформулировать, что мне не так в трактате. И поняла много позже, уже когда Андрея Дмитриевича не было. «Не так» - был язык.

То, что я скажу, трудно понять тем, для кого русский не свой язык. Есть два местоимения: «МЫ» и «ОНИ». Вот если я скажу возмущенно, например, про события на Кавказе, «ну что ОНИ делают, а МЫ терпим», то любому моему соотечественнику ясно: ОНИ – это власть, МЫ – народ или просто люди, а теперь все чаще говорят ЭЛЕКТОРАТ – неприятное слово, делающее из человека нечто чиновничье-бумажное.

И есть не только эти два местоимения, но есть ИХ язык и НАШ язык. Так вот: «трактат» написан их языком. Сахаров, когда писал «трактат», уже был пропитан человеческими заботами, но людской язык еще как бы не знал. И он приходил к нему медленно и трудно. И пришел. Эту же дорогу прошли многие шестидесятники-публицисты. «Трактат», написанный ИХ языком – языком власти – оказался вершиной шестидесятников (шестидесятники кончились, началась эра диссидентов), не потому, что он такой уж глубокий, а по стечению многих счастливых для этой небольшой работы обстоятельств. Он вышел из высоких сфер, автор по тем временам почти небожитель, дошел до читателя почти одновременно с советскими танками в Праге. Даже то, что написан ИХ языком, способствовало его популярности.

А любимыми идеями Сахарова от «трактата» остались интеллектуальная свобода, ядерная энергетика и конвергенция. Ну, о свободе говорить нечего. Одним она нужна, другим нет. Тогда им остается «хлеб и зрелища». Хлеба по-прежнему хватает не всем. Зато зрелищ море разлитое. И чем больше, тем хуже. С энергией плохо. И об этом будет обстоятельный разговор специалистов. Я же только напомним: в 1977 году Сахаров написал статью «Ядерная энергетика и свобода Запада». Название говорит за себя. Тридцать один год собирались. Теперь кажется собрались, когда полностью попали в зависимость и когда, соответственно, свобода демократических стран Запада висит на волоске – финансовая неразбериха в мире, безусловно, одной из причин имеет энергетическую зависимость.

О конвергенции Сахаров вновь писал в Словаре нового мышления (1988 год). И когда в СССР впервые решились опубликовать Размышления – это шел уже 1989 год – он к этой первой публикации на Родине написал (предпослал публикации) маленькое – одна страничка – предисловие. Там Сахаров писал:

«Я оцениваю сейчас это произведение как эклектичное и претенциозное... Тем не менее основные мысли его мне дороги. В работе четко сформулирован представляющийся мне очень важным тезис о сближении социалистической и капиталистической систем, сопровождающемся демократизацией, демилитаризацией, социальным и научно-техническим прогрессом как единственной альтернативе гибели человечества.»

Получилось ли это сближение – конвергенция? Задаю я себе, как и многие, этот вопрос. И глядя на то, что я вижу сегодня в Америке и сравнивая с тем, что происходит дома, отвечаю: ПОКА – НЕТ!

Предвыборная эпопея, по манере не такая, как в Москве, но такая же непрозрачная и по существу с многомиллионными тратами, совсем не демократичная. У нас медицина распалась. Здесь у половины населения ее нет. Здесь образование падает и дорожает, а у нас из бесплатного стало дорогим и плохим. Там воруют, и никто никому не доверяет. Здесь все было на доверии, и прежде всего на доверии банкам. Но в одночасье все банки рухнули, оказалось, они много лет ввали своим клиентам. Вчера по телевизору видели кающегося Гринспана. Горькая картинка. Такое впечатление, что конвергенция свершилась. С точностью «до наоборот» - соединила в себе не все лучшее, а все худшее из двух социальных строев.

И нужен ли Сахаров сегодня – этот вопрос мне часто задают всякие досужие корреспонденты – я ответить не могу. Как не может ответить поэт на вопрос, который задает сам себе: «Но кто мы и откуда,/Когда от всех тех лет/ Остались пересуды,/А нас на свете нет?»

Но как ответ на название сегодняшней конференции «Россия вчера, сегодня, завтра» могу утверждать: Россия была, Россия есть, Россия будет. А вот какой она будет – не знаю.

Татьяна Янкелевич (директор Сахаровской программы по правам человека в Дэвис-Центре русских и евразийских исследований Гарвардского университета; под давлением КГБ в 1977 г. эмигрировала в Соединенные Штаты, вела кампанию в защиту своего отчима Андрея Сахарова в США и Европе вплоть до его освобождения из горьковской ссылки в декабре 1986 г.; была заместителем директора Архива Андрея Сахарова и Правозащитного центра в Университете Брандайса до своего переезда вместе с архивом в Гарвард в августе 2004 г.)

Хочу поблагодарить гарвардский Дэвис-Центр русских и евразийских исследований, гарвардский физический факультет и Американскую академию искусств и наук за проведение этой конференции. Особенная благодарность – Фонду Андрея Сахарова и АМР США за финансовую поддержку, оказанную ими этой конференции, и за их непреходящую заинтересованность в деятельности Сахаровской программы по правам человека.

Я лишена остроумия Елены Боннэр, хоть я и ее дочь. Поэтому начну с шутки, заимствованной у старого доброго друга, Владимира Войновича, который еще в 1993 г. на Международном Сахаровском трибунале в Лиссабоне (Португалия) высказался примерно в следующем духе: почему-то мне не встречаются люди, которые бы говорили «я дружил с Брежневым» или «я дружил с Андроповым»; но встречается много людей, которые говорят «я дружил с Сахаровым». Может быть,

они и не были с ним лично знакомы – но чувствуют себя друзьями Сахарова или хотят быть в их числе. Полагаю, что два дня нашей конференции собрали вместе людей, которые являются или хотят быть друзьями Сахарова. И надеюсь, что это чувство останется со всеми нами и после окончания конференции, когда каждый из нас отправится по своим делам.

Хочу также добавить к тому, что сказано моей матерью. Она упомянула о выступлении Сахарова в этой аудитории в ноябре 1988 г. Это был один из тех редких случаев, когда она осталась в Москве и не поехала с Сахаровым. В тот раз Сахарову было впервые позволено выехать из Советского Союза, в свою первую зарубежную поездку. Не буду вдаваться в рассуждения о том, почему ей посоветовали с ним не ехать.

Мне выпало встречать Сахарова в бостонском аэропорту Логан, и помню, как моя 13-летняя дочь сказала своему деду: «Как бы мне хотелось поближе с тобой познакомиться!» Самая первая пресс-конференция, проведенная Сахаровым в ходе той поездки, состоялась в аудитории, где сейчас проходит наша конференция, и я имела честь быть на ней переводчиком.

Это здание дает мне ощущение исторической преемственности. И вместе с тем я полностью осознаю, что последние двадцать лет не способствовали преемственности традиций и ценностей – ни в моей родной России, ни в моей новой стране, Соединенных Штатах Америки. И я нахожу это печальным.

Хочу упомянуть еще об одной годовщине: сегодня пять лет со дня ареста Михаила Ходорковского, за которым последовал крайне спорный судебный процесс и приговор над ним. Его дело вызывает у меня тревогу по поводу России и того пути, по которому она пошла в последние годы.

Далее, исходя из предположения о том, что мы все здесь друзья, хочу поделиться с вами своими, возможно, отрывочными раздумьями о Сахарове и России и о перспективах на будущее. Как я уже сказала, используя гамлетовскую фразу, «порвалась связь времен», и разрушается ткань общественного устройства. В подобные времена наше внимание привлекают исключительные личности, те, чей масштаб выходит за пределы их собственного жизненного времени. Думаю, что Андрей Сахаров относится к числу таких личностей, таких явлений.

Как заметила вчера моя мать, взгляды Сахарова на конвергенцию и другие общественные проблемы с 1968 г. до его кончины в 1989 г. характеризовались большой последовательностью, но его мышление не было статичным. Идеи «Размышлений...» получили дальнейшее развитие в его нобелевской лекции 1975 г. «Мир, прогресс, права человека». Он полагал, что эти три цели не отделимы друг от друга: невозможно достичь какой-то одной из них, если при этом пренебрегать остальными. Об этом упоминали многие из выступавших на конференции.

Хочу напомнить, что люди в России впервые увидели Сахарова на экранах телевизоров в июне 1989 г., после его избрания на первый Съезд народных депутатов. За границей его увидели на два года раньше, в декабре 1986 г., когда он вернулся из горьковской ссылки, и западные телевизионщики едва не вгрызались в него, чтобы получить интервью. Поразительно то, что вскоре после своего появления на российском телеэкране Сахаров завоевал доверие огромного числа зрителей, что не удается многим главам государств и международных организаций и большинству общественных деятелей. Думаю, именно это имел в виду Тим Колтон, говоря в связи с Сахаровым о «неконституированных лидерах». Полагаю, что Сахаров был именно таким лидером.

На первом Съезде народных депутатов в июне 1989 г. Сахаров призвал покончить с диктатурой Коммунистической партии и радикально трансформировать советскую систему. Всего за несколько дней до своей смерти в декабре того же года он завершил написание проекта «Конституции Союза советских республик Европы и Азии». Десятки тысяч людей заполнили стадион в Лужниках во время церемонии прощания с Сахаровым и стояли под холодным дождем, чтобы послушать хвалебные речи и проститься с ним. Многие из них несли транспаранты, призывавшие к отмене монополии КПСС на власть. Три месяца спустя Съезд народных депутатов положил конец диктатуре Коммунистической партии, отменив 6 статью советской конституции.

В прежнее время Сахарова порочили и клеймили в советских масс-медиа. Он получил около шести тысяч писем от советских граждан с нападками на себя, с вопросами, почему он так ненавидит свой народ, почему он хочет новой войны. Да, некоторые из них были написаны под диктовку КГБ – но многие писали по собственной инициативе. Несмотря на кампанию дезинформации, развернутую против него властями, Сахаров очень быстро сумел завоевать доверие людей после своего возвращения из ссылки.

В жизни Сахарова можно вычленить три периода. Вначале был период сосредоточенной работы в области ядерной физики, когда Сахаров стал «отцом советской водородной бомбы». После того, как он был уволен с работы в оборонной сфере вслед за публикацией «Размышлений...» в 1968 г., он стал главным диссидентом, а затем, в последние три года своей жизни – общественным трибуном, народным депутатом, персонифицировавшим демократические устремления граждан страны. Но в действительности, несмотря на эти, казалось бы, отдельные периоды его жизни, на всем ее протяжении он оставался ученым. Хочу процитировать мою мать, которой однажды сказали: «Ваш муж – знаменитый диссидент», а она ответила: «Нет, мой муж не диссидент, он физик.» Он внес важный вклад и в теоретическую, и в прикладную физику, и именно его чувство ответственности как ученого за последствия своей работы заставило его определиться с собственной позицией по политическим и социальным вопросам и действовать в соответствии с теми выводами, к которым он пришел.

Отказ от стандартных взглядов советского ученого дался Сахарову нелегко, как и его превращение в твердого, бескомпромиссного критика своего собственного социума и работа над развитием концепции нового мирового порядка, в котором права человека играли бы ключевую роль.

Меня часто спрашивают о том, каким человеком был Сахаров. Ему было не свойственно какое бы то ни было самовозвеличивание, позерство, какие-либо комплексы величия или же неполноценности, от которых часто страдают незаурядные люди. Он знал себе цену и никогда не впадал в ложную скромность. Некоторым казалось, что он был робок и не вполне осознавал свою роль в этом мире. Но это было не так. Он не высокомерничал, но очень хорошо осознавал свою значимость. И именно отсюда его напряженное ощущение того, что обращаться с заявлениями к главам государств было как его правом, так и его обязанностью. Кое-кто насмешливо спрашивал, что дает основания Сахарову считать своим правом критиковать наших руководителей и глав государства. Он же вменял это себе в обязанность, и именно эта обязанность давала ему те высокие полномочия, о которых говорилось вчера. Он обращался к главам государств и международных организаций со своими идеями, требованиями, предостережениями – и, говоря его собственными словами, «старался быть достойным своей участи».

Он пытался объяснить советским руководителям, что попрание прав человека и экономический упадок рано или поздно приведут к застою. Вместо того, чтобы прислушаться к голосу разума, власти продолжали нападки на него и сделали из него жертву или «первого диссидента страны». Хочу процитировать Бертольда Брехта: «Горе той стране, которая нуждается в героях.» И еще одна цитата, из Сергея Ковалева, соратника и близкого друга Сахарова. В день его похорон Ковалев сказал: «Уже довольно давно один угрюмый человек назвал Сахарова простаком и, сам того не осознавая, сказал правду. Вся жизнь Сахарова была отмечена полной, всепобеждающей и 'неслыханной' простотой. Его сознание работало глубоко и четко. Он говорил, что думал, и действовал в соответствии со своими мыслями и словами. Это было совсем просто.»

Добавлю несколько слов к тому, что было сказано здесь о последнем крупном выступлении Сахарова в печати, «Неизбежность перестройки». Это было всеобъемлющее по содержанию заявление, выражавшее его позицию по основным вопросам. Оно опровергает распространенное мнение о том, что он был нереалистичен в своих ожиданиях и надеждах. Сахаров не ожидал легкого, быстрого перехода к демократии и рыночной экономике. Он признавал, что, процитирую, «неизбежны большие трудности и препятствия экономического, психологического, организационного характера». Однако он был «убежден в абсолютной исторической необходимости перестройки. Это как на войне. Победа необходима.»

Я задаю себе вопрос: а была ли победа? Кто победил? Чего мы добились? Остаются ли Сахаров и его наследие значимы как часть гражданского сознания людей? Понимает ли Россия, что Сахаров и его идеи нужны ей сегодня? Многие из того, на

что он надеялся, в России осуществилось, по крайней мере, на время. Россия уверенно шла по пути свободы, демократии, прав человека и рыночной экономики, и была надежда на необратимость этих завоеваний.

Хотя отдельные перемены действительно, похоже, необратимы, иных нас уже лишили, а иные находятся под угрозой. К сожалению, надежды Сахарова на то, что Россия будет к сегодняшнему дню твердо стоять на демократическом пути развития, не вполне сбылись, и отношение к его наследию в России далеко не однозначно. Как это ни печально, может быть, Россия и не нуждается в Сахарове. Судя по опросам, растет популярность Сталина. Мне кажется, что среди интеллигенции господствует чувство безразличия или, возможно, скепсис, а как следствие, неспособность к действию, и это ведет в тупик. Может быть, когда люди это поймут, они вспомнят о Сахарове.

Насколько мне известно, некоторые продолжают о нем помнить. Когда я вспоминаю лица молодых ученых, собравшихся на митинг в 1989 г. перед зданием Академии наук с требованием, чтобы кандидатура Сахарова была внесена в бюллетень при выборах депутатов от Академии, я знаю, что эти люди есть. И я задаюсь вопросом, что они думают и чем они занимаются сегодня. Я не призываю их рисковать своей жизнью. Я надеюсь, что им и тем, кто выходил вместе с ними на недавние «марши несогласных», не приходится рисковать своей жизнью или незаслуженно расплачиваться за то, что они выразили свое чувство гражданской ответственности и высказались по общественно значимым вопросам.

Закончу на утверждении, которое нередко повторял Сахаров, и под которым я полностью подписываюсь. Его вера в тайные силы человеческого духа была для него источником надежды, даже когда события в стране и в мире вселяли в него тревогу.

Благодарю за внимание.

Для нас большая удача, что самый непубличный человек из здесь присутствующих согласился сказать несколько слов. Эд Клайн был редкостным другом Андрея Сахарова и активно участвовал во всем, что было связано с его защитой. Он впервые встретился с Сахаровым в 1987 г., после того, как тот вернулся из ссылки.

Эдвард Клайн (бывший глава компании «Клайн брозерс компани департамент сторз»; президент Фонда Андрея Сахарова; автор книги «Московский комитет прав человека», Москва, 2004)

Прежде всего хочу поблагодарить Таню, не за то, как она меня представила, хотя приятно услышать добрые слова, но за организацию конференции, которая, думаю, проходит с огромным успехом. Хочу также поблагодарить профессора Уилсона, который первым предложил провести такую конференцию и организовал для нее

такое великолепное место. Спасибо сотрудникам Дэвис-Центра и всем, кто помог организовать и провести эту конференцию за хорошую работу.

А больше всего я благодарен Андрею Сахарову – ведь именно он и его имя привели сюда такое множество выдающихся людей и сделали возможной столь превосходную конференцию.

Вместо того, чтобы цитировать Сахарова, я процитирую моего друга Валерия Чалидзе, который представил меня Сахарову на расстоянии, когда мы совместно редактировали «Хронику прав человека в СССР». Он сказал: «Тихой дипломатией еще можно чего-то иногда добиться, но молчанием – никогда.»

Выводы сессии, на которой мы присутствовали перед обедом, и которые мы должны унести с собой, состоят в том, что российско-американские отношения находятся в плохом состоянии. Нам не угрожает ядерная война, но нынешняя конфронтация между Россией и Америкой представляется мне совершенно ненужной. Есть множество аргументов в пользу того, чтобы вернуться к сотрудничеству, которые нам сегодня приводили посол Мэтлок, посол Миллер, Владимир Печатнов и Светлана Савранская. Надеюсь, что те из присутствующих, кто обладает влиянием на американскую политику, будут выступать с призывами к скорейшему пересмотру нашей политики в отношении России, с должным учетом американских и российских интересов и взаимных выгод, которые сулят нам более конструктивные отношения между двумя странами.

Благодарю всех выступавших. Хочу также сказать спасибо всем участникам, всем гостям, которые способствовали содержательности и широте конференции. Думаю, что она успешно содействовала более глубокому пониманию нами сахаровского наследия. Я очень горжусь тем, что Фонд Сахарова в ней поучаствовал.